

шись без ног, он день за днем настойчиво и терпеливо учился ходить. Добился в конце концов своего — повел комбайн. Володю назвали «целинным Маресьевым». Вскоре пришли награды. Курбатову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И сейчас, по сей день, этот немолодой, изувеченный войной человек, которому, казалось бы, давно пришло время заслуженного отдыха, не может оставаться без труда — работает наставником, возится с ребятами, воспитывает достойную смену.

«Мы — советские» — назвал режиссер А. Слесаренко одну из своих кинокартин. По существу, в каждой из его лент господствует эта тема гордого утверждения великого мужества, коммунистической нравственности советских людей. И это не случайно.

Создатель «Баллады о лесном фронте» никогда не обращался к темам или творческим приемам, рассчитанным на понимание только в кругу особой, «элитарной» публики, не прибегал к формальным изыскам, к переусложненным

«эссе», напичканным многозначительными намеками и двусмысленностями. Далека от примитивного разжевывания азбучных истин, от бездумной лакировки действительности, в связи с чем его не раз критиковали за обращение к самым порой трагическим ситуациям. Он стремится поведать народу о том, что очень волнует его самого как поэта и гражданина. Он стремится к тому, чтобы передать зрителю свое волнение и заставить его сострадать герою и восхищаться подвигом. Он даже полемически утверждает, что иное искусство, то есть то, которое не вызывает ответных чувств сопереживания, не имеет права на существование.

Конечно, не все и не всегда удастся на этом пути. Но в лучших фильмах советская кинопублицистика знакомит нас с прекрасными образами наших героических современников, могущих быть примером для подражания. А это одно из самых существенных предназначений искусства социалистического реализма.

И. ДРОЖЖИН

ЧЕТКОСТЬ ПОЗИЦИИ

Зрители, часто бывающие в театре, знают, как быстротечно и мимолетно его искусство. Театр оставляет свидетельства своего существования — потрясений и неудач —

М. Любомудров, Н. Си-
монов, Ю. Заведский. ЖЗЛ.
М., «Молодая гвардия», 1983;
М. Любомудров. Размыш-
ления после встречи. М., «Со-
временник», 1984.

в эмоциональной, духовной памяти современников и откликах критиков. Но каждая встреча с искусством театра по-своему неповторима. Поэтому, пожалуй, столь разноречивы оценки и взгляды, мнения об одном и том же явлении, об одном и том же актере. Во всяком случае лишь этим можно объяснить долгое время продолжающиеся дис-

куссии вокруг различных точек зрения по поводу одного и того же явления искусства, чтобы дать возможность зрителю самому выбирать, судить, кто прав, кто виноват. Принципы единства в многообразии, в действии.

Иной раз появляется столько мнений, что удивляешься, как зритель-то в них ориентируется. Но вышеназванный принцип, по моему убеждению, как раз и свидетельствует об отсутствии принципиальной позиции. Когда же она есть, то, по иронии судьбы, вызывает подчас неудовольствие, а то и раздражение. Хотя, казалось бы, что тут негодовать, если имеет право на существование одна точка зрения, почему же другую необходимо перечеркивать?

Вот на такие мысли навели меня недавно вышедшие книги известного ленинградского театроведа М. Любомудрова, посвященные истории и современности советского театрального искусства. Эти работы отличает прежде всего полемичность и принципиальность позиций, а это, признаться, уже редкость в нашей театральной критике.

Пolemичность книг М. Любoмудрoвa нoсит пpинципиальный хaрaктер, рaскpывaeт гpаждaнскую и сoциaльную пoзицию кpитикa, свoей убeдитeльнoстью и дoкaзaтeльнoстью пpeдпoлaгaeт нe тoлькo сoглaсие, нo и вoзpaжeния, нe пpeтeндyя нa aбсoлютнyю истинy. Этo, пoжaлyй, и oтличaeт взгляды и yбeждeния М. Любoмудрoвa oт пoдчac бeзaпeллaционной кpитики eгo oпoнeнтoв...

удожестве-
к бы рас-
авную за-
здания
ности
ал-
т-
М. Любомудров раскрывает
делегкие, подчас тернистые
жизненные пути актера-«бун-
таря» Н. Симонова и поэта
театра Ю. Завадского, доказа-
тельно утверждает их духов-
ное родство, бескомпромис-
сную верность реалистиче-
ским традициям русского ис-
кусства, беззаветное служе-
ние людям.

Примечательно и то, что
М. Любомудров немало вни-
мания уделяет работе Н. Си-
монова и Ю. Завадского в
провинциальных театрах. Эти
театры занимают особое ме-
сто в жизни и творчестве ма-
стеров сцены. Н. Симонов в
1931 году, вернувшись на ро-
дину — в Самару, вступает в
новую труппу театра. В «са-
марские сезоны» проявился не
только актерский талант Си-
монова, но и его организатор-
ские способности, увлечен-
ность режиссерским искус-
ством. Именно здесь, в Сама-
ре, практически сформировал-
ся будущий «костяк» Алек-
сандринки — Ленинградского
академического театра драмы
имени А. С. Пушкина. Вме-
сте с Николаем Симоновым
работали актеры В. Меркурь-
ев, Ю. Толубеев. Всего три се-
зона проработали они в «про-
винции», но как много дала
им эта работа! М. Любомуд-
ров приводит в своей книге
признание Юрия Толубеева,
сыгравшего на самарской сце-
не Егора Булычева: «Именно
тогда я впервые расправил
крылья, почувствовал диапа-
зон своих актерских данных.
Этим я обязан Симонову, ко-
торый настоял на моем назна-
чении на роль. Я благодарен
судьбе, что на моем пути бы-
ла Самара. Там я прошел хо-
рошую школу практики».

Такая же школа выпала на
долю Юрия Александровича
Завадского, который в 1936 го-

ду открывал театр в Ростове-
на-Дону. И так же как для
Александринки — Самара,
для театра имени Моссовета
в Ростове формировался та-
лант актеров, составивших
его будущую гордость и сла-
ву, — В. Марецкой, Н. Морд-
винова.

В книге М. Любомудрова
отчетливо прослеживается
мысль о беззаветном, самоот-
верженном служении русско-
му театру, и именно этим па-
фосом пронизаны герои и
спектакли обоих мастеров
сцены.

Легендарны кинематографи-
ческие и сценические образы
Н. Симонова: могучая, непре-
клонная воля Петра I в экра-
низации романа А. Толстого;
хранитель русского леса Аст-
ров в «Дяде Ване»; затаен-
ная грусть в глазах Федя
Протасова из «Живого тру-
па»; коварный мученик духа
Сальери из пушкинских «Ма-
леньких трагедий» и многие
другие запоминающиеся зри-
тельно роли сыграны им.

В творчестве каждого боль-
шого художника всегда есть
наиболее значительное для не-
го произведение. Это одновре-
менно и итог и «заглядыва-
ние» в завтрашний день. Та-
ким спектаклем в творчестве
Ю. Завадского стали «Петер-
бургские сновидения» — ин-
сценировка романа Ф. М. До-
стоевского — яркий пример
глубокого прочтения, пости-
жения философии русской
классики, ее неисчерпаемого
нравственного и духовного бо-
гатства.

Когда перелистываешь по-
следние страницы книги
М. Любомудрова, то невольно
удивляешься — как мало ус-
пели, но как много сделали в
своей жизни Н. Симонов и
Ю. Завадский. Мало — пото-
му что запас их художествен-

ной энергии как бы рассчитан на несколько поколений, несколько театральных эпох, и они лишь смогли найти пути будущего актерского и режиссерского искусства. Много — потому что и сегодня не перестает удивлять духовное могущество и нравственная сила их таланта.

Отдельными очерками творческие портреты Ю. Завадского и Н. Симонова вошли и в другую книгу, давшую определенный патриотический и социально-нравственный заряд размышлениям о сегодняшнем дне советского театра, его яркой истории, судьбам театральных течений.

Может показаться странным и даже беглым предложенный автором ретроспективный взгляд на театр, но, по мере того как знакомишься с книгой, убеждаешься в неразрывной связи времен, поколений, театральных исканий, убеждаешься в последовательной, принципиальной позиции критика, которая проявляется и в большом и в малом. М. Любомудров тонко чувствует новаторство и архаику, проводит четкую грань между ложным пафосом, искаженным толкованием и творческим поиском, предан-

ностью традициям. Идет ли речь о постановке «Истории лошади» в Большом драматическом театре, где решение спектакля разошлось с направлением мысли Толстого, или о последних работах МХАТа.

Книга М. Любомудрова убедительна соотношением практики и теории, сопоставлением режиссерских заявлений и намерений и реализации замыслов. Критик «не ловит» на слове, а как бы размышляет вместе с режиссером, иногда отказываясь от категоричных выводов и подведения итогов, ограничиваясь фактами, которые говорят сами за себя.

Во многом, даже спустя многие годы, статьи и обзоры критика звучат чрезвычайно остро, восстанавливают справедливость. Думается, истинным поклонникам театрального искусства, подвижникам и ревнителям «жизни человеческого духа» на сцене новая книга М. Любомудрова придется по душе. Потому что в «Размышлениях после встречи» есть главное и непреложное — четкость позиции, ясность мысли и актуальность темы.

Б. ПЕТРОВ

ПРАВО НА ПАМЯТЬ

Серьезное прозаическое произведение не может быть создано без основательного знания писателем самой жизни, без его углубленности в тот социально-психологический пласт бытия, в котором жи-

вут, действуют, размышляют его герои. Писатель может состояться как творческая личность лишь тогда, когда он находит своего собственного героя, страдательного и мотивированного авторским жизненным и художественным опытом. Вот таким писателем со своей темой, со своими

В. Рынкевич. Пальмовые листья. Повести и рассказы. М., «Современник», 1984.